

Эрнетта Беткер

ГЕНИЙ
БЕЗ ЛИЦА

Эрнетта Беткер
Гений без лица

«Издательские решения»

Беткер Э.

Гений без лица / Э. Беткер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504598-0

Вторая часть трилогии о мире путешественников во времени повествует о последствиях, возникших в результате неправильного использования пространственно-временных технологий. В центре сюжета — шестнадцатилетний подросток, который существует в двух мирах одновременно. Он помнит обе версии своей жизни и пытается разгадать загадку необычайной природы, разделившей его личность пополам. Главная цель юного героя: выяснить, какая же из двух параллельных вселенных реальна.

ISBN 978-5-00-504598-0

© Беткер Э.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
2090	6
Глава 1	11
2106	11
Глава 2	23
2044	23
Глава 3	31
2106	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Гений без лица

Эрнетта Беткер

© Эрнетта Беткер, 2019

ISBN 978-5-0050-4598-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

2090

Два человека оказались на безлюдной заброшенной улице. Они были одеты в зимнее обмундирование: надежное и оснащенное для исполнения должностных обязанностей. Эти вещи мужчины получили в 2243-ем году в главном штабе путешественников во времени. А сейчас, в 2090-ом году, они выглядели чуждо и даже нелепо. Красный костюм носил мужчина младше рангом. Черный – человек, достигший вершины карьеры этой необычной профессии.

Тот, что в красном, держал в руках абсолютно прозрачное, незаметное для окружающего мира, оружие. И лишь редкие крошки снега выдавали присутствие чужеродного объекта, врезааясь в бесцветную поверхность обоев.

Если бы здесь были посторонние люди, они бы наверняка подумали, что он просто играет или притворяется: в его руках для их неприспособленного взгляда совсем ничего нет.

По правде говоря, потому то он и взял с собой это оружие в путешествие на полтора века назад: только с ним он чувствовал себя здесь неуязвимым.

Его спутник, что был в черном обмундировании, нес в руках белую электронную коробочку, излучающую свет. Коробочка была многофункциональным оснащением путешественников. Она являлась необходимым для выполнения задания предметом.

Мужчины шли молча, иногда переглядываясь и боязливо озираясь по сторонам. Вокруг не было ни души: почти тридцать лет назад этот район закрыли, поскольку центр управления системами не способен посылать сигнал сквозь толщу аномалий, окутавших это роковое место. Жизнь здесь была невозможна: андройды выполняли действия слишком медленно, смартхенды постоянно отключались, экран дополненной реальности не отображал новостей, предметы бытовой уборки не реагировали на приказы, а домашний электронный «управленец» не выполнял своих основных функций.

Несмотря на неоспоримые знания человечества, понять, почему это место не подчиняется власти системы, до сих пор невозможно. Здесь не было никаких мистических странностей, но улица выглядела неестественной и даже пугающе пустой.

Ее называли «цветная заброшка» – это единственный район, где здания оставались окрашенными в старые коричневато-серые оттенки. Вся остальная столица блистала одинаково белым, структурирующим внешний облик города, цветом. Но здесь все оставалось как в старые давно забытые времена: словно тридцать лет назад время здесь застыло и больше никогда не подчинялось законам остального мира.

Когда стало ясно, что место не пригодно для жизни, вышел приказ о выдачи «пострадавшим» жилья в новых районах. Такое заманчивое предложение сразу возымело эффект над постояльцами: они беспрепятственно покинули старые дома.

Поначалу, Черный и Красный шли довольно медленно, но позднее, поняв, что их жизни ничего не угрожает, прибавили шаг и даже разговорились:

– Ну, надо же! – Восхищенно начал Красный. – Рябит в глазах!

– Неужели тебя это не бесит? – Отозвался Черный.

– Скорее наоборот. Цветные здания – редкость для этого мира.

– Белые мне больше по душе.

– Да брось ты, Джер. – Возмутился первый. – Только не говори, что ты разделяешь эту бессмысленную пропаганду конца двадцать первого века.

– Разделяю, Йохан, – ответил тот, что в черном, – в нашем двадцать третьем веке уже давно все стало слишком цветным.

– Разве это не красиво? – Человек в красном прибавил шаг и догнал спутника.

Теперь они шли рядом и совсем потеряли бдительность.

– Белый цвет, Йохан, это цвет успешных людей. Он демонстрирует безграничность. Он обладает огромной силой, способной наставлять и побуждать человечество к действию. Он является истинным совершенством. Белый – значит чистый. Белый – значит безупречный.

– Ты что, цитируешь мне лозунги со стендов дополненной реальности? – Изумился Йохан.

Джер усмехнулся в ответ:

– Именно поэтому я выбрал работу в двадцать первом веке. Мне нравится это единство. И гармония.

– И тошнотворно скучный порядок. – Добавил Красный.

Они постоянно спорили, но это не мешало им быть лучшими напарниками. Джер и Йохан были представителями самой ответственной профессии – они работали коррективщиками. Их главной обязанностью являлось исправление ошибок путешественников во времени, призванной сохранить в целостности структуру пространства и времени и не допустить временных парадоксов. Сложность состояла в первую очередь в том, что работать им приходилось в двадцать первом веке. В мире, в котором машины времени только начали выходить в свет и были еще не приспособлены к повсеместному использованию. А потому им запрещено выходить за рамки 2061-го года – момента первого зафиксированного в истории путешествия во времени. Работа также требовала и особой аккуратности: напарники обязаны действовать незаметно.

– Целый век, Джер! – Возмущался Красный. – Целый век аномалий и парадоксов, а мы не можем даже заглянуть за рубеж Марка Беркьерса и повлиять на историю до создания им первой машины времени.

– Ты забываешься, Йохан. – Подметил Джер. – Мы вытащили несчастную Хартман из 2019-го года. Разве это не повод, чтобы гордиться?

– Тоже верно. – Согласился напарник. – Но мы даже не знаем, спасло ли это ситуацию.

– Зато мы знаем, что нам за это хорошо заплатили. – Усмехнулся Черный. – Давай уже скорее закончим здесь и вернемся в свой мир. Мне не по себе от этого места.

– Согласен. – Красный потер висок.

Тут же из правого зрачка появилась струя яркого бирюзового света. Луч обводил кругами пространство вокруг, то забираясь на вершины высотных зданий, то снова возвращаясь под ноги коррективщикам. Устройство, внедренное в глаз, ничего не обнаружило: об этом свидетельствовало скучное монотонное пиликавание.

– Пока ничего. – Раздосадовано произнес Йохан.

– Не выключай, пусть работает.

Они продолжали двигаться вперед между заброшенных цветных высоток. Временами завывал резкий ветер и сбивал глазной прицел.

«Сканирование завершено» – то и дело напоминало устройство.

– Что мы все-таки ищем, Джер?

– Аномалию.

– Ту, что не пропускает сюда сигнал от центральной системы управления? – Предположил Красный.

– Нет, я не думаю, что это как-то связано. – Пояснил Черный. – Куб показывает, что она появилась здесь всего несколько часов назад.

– Я не могу ничего обнаружить. – В голосе Йохана слышалось раздражение.

– Значит, мы будем здесь до тех пор, пока не найдем ее. Наберись терпения.

Когда ветер немного стих, Йохан и Джер вышли на главную дорогу. Отсюда открывался вид на широкий пустой проспект, озаренный одним только лунным светом и вспышками сканирования устройства корректировщиков.

Теперь они работали в абсолютном молчании, чтобы не пропустить аномалию, за которой охотились уже второй час.

Корректировщики, которые являлись друг другу родными братьями, всегда ответственно подходили к своей работе. Джер и Йохан настолько хорошо знали историю двадцать первого века, насколько она не известна даже ее очевидцам. Оно и понятно: чтобы сохранить порядок в хронологии и деталях, необходимо знать мельчайшие подробности того, как все произошло и как должно произойти. Но была в их работе и грязная сторона: иногда для достижения наилучшего результата, приходилось поступать жестоко.

Так, например, в 2075-ый год однажды чуть не просочилась информация о еще не созданных технологиях. Безумный преступник, который пытался опубликовать данные, был безжалостно устранен, а информация о его пребывании в чужеродной временной линии безукоризненно стерта из всех источников.

Йохан всегда колебался, а вот Джер, будучи на несколько лет старше и мудрее брата, периодически напоминал ему о том, что между человеком и человечеством всегда нужно выбирать второе.

Но на этот раз случай оказался исключительным.

– «Аномалия зафиксирована». – Услышали братья беспристрастный голос устройства.

– Туда! – Йохан показал рукой в старое заброшенное здание.

– Что здесь было раньше? – Спросил Джер, приближаясь. – Какая-то больница?

– Это роддом. – Пояснил Красный. – Видишь? Маленькие двухъярусные люльки.

– Ненавижу детей. – Проскрипел Черный.

Они медленно поднялись по ступенькам и перешагнули через разбитую оконную створку.

В помещении было темно, сыро и пахло застоявшейся грязью.

– Вон там, за стеной. – Указал Йохан на свет и приготовил оружие.

Они медленно приблизились к комнате, от которой исходил тревожный сигнал.

Джер показал замысловатый жест руками и, дождавшись от брата ответного кивка, резко выбил дверь подошвой.

Перед глазами корректировщиков возникла необычайная картина: на заснеженной родильной кушетке лежал абсолютно голый замерзший младенец. Он был еще жив, но почти окоченел от холода. Ребенок был не похож на обычного человека: он то появлялся, то исчезал в пространстве, пульсируя бесконечно быстрыми световыми вспышками, которые освещали заброшенный кабинет.

– Что это за черт?! – Воскликнул Джер и уронил светящуюся коробочку.

Йохан застыл неподвижно с прозрачным оружием в руках.

– Нет, этого не может быть. – Говорил он.

– Стреляй! – Приказал брат суровым холодным голосом.

– Нет.

– Стреляй, кому говорят!

– Стреляй сам! – Йохан отбросил оружие в сторону.

Он отстранился, уставив на черного корректировщика вопросительный тревожный взгляд.

Джер поскрипел зубами, поднял невидимый объект и направил на аномалию:

– Слабак. – Холодно произнес он. – Если ты не способен, то я сам убью его.

Но Йохан не позволил брату осуществить задуманное. Он встал напротив Черного и загородил аномалию своим телом.

- Что ты делаешь? – Изумился Джер. – Отойди.
- Не надо. – Йохан подошел ближе и осознанно наткнулся шеей на невидимый ствол.
- Мы должны уничтожить парадокс. Прочь. – Приказным тоном предупредил старший.
- Я не позволю тебе убить ребенка. – Отвергал корректировщик.
- Это не ребенок, Йохан! – Кричал Черный. – Посмотри на него! Это просто аномалия!
- Я смогу его стабилизировать.

Несмотря на то, что Красный имел меньше опыта в работе с аномалиями, это был тот самый случай, когда он наверняка знал, что делает.

Йохан медленно взял оружие из рук брата и отбросил его на землю. Невидимый предмет с тяжелым грохотом исчез в грязи. Джер с недоверием смотрел на Красного, но почти перестал сопротивляться:

– Ты такое уже видел? – Спросил он почти беззвучно. – Ты знаешь, что с этим делать?

– У нас в штабе, – отвечал Йохан – в 2243-ем году был корректировщик из двадцать шестого века. Он упоминал о таких детях. Для людей их мира этот ребенок – повсеместная ошибка.

– Ошибка, которую можно исправить без убийства в двадцать шестом веке, а не в двадцать первом! – Заметил Джер.

Они оба перевели взгляд на аномалию. Новорожденный то появлялся, то пропадал, делая это, по меньшей мере, несколько десятков раз в секунду. Младенец прерывисто плакал. Он замерзал от ветра, снега и металлического холода.

– Что с ним такое, ты знаешь? – Джер подошел ближе, но дотрагиваться не спешил.

– Знаю. – Ответил Йохан и тут же начал активно искать что-то в своем рюкзаке. – Он существует сразу в двух временах. Вселенная по своим причинам не смогла определить, где его место.

– Хочешь сказать, что он сейчас находится и «здесь» и «там»? – Изумился Джер.

– Правильнее сказать, он находится и «тогда» и «сейчас». – Йохан наконец-то нашел то, что искал.

– Но где это «тогда»? – Не унимался Черный.

Брат не ответил. Он вытащил из рюкзака продолговатую металлическую трубку с двумя сенсорными кнопками и направил ее на младенца.

Новорожденный закричал еще громче. Йохан нажал на кнопку и коснулся ребенка синеватым обжигающим светом. Младенец стабилизировался и перестал «исчезать». Теперь он плакал сильнее, задыхаясь от холода и пыли.

Красный знал, что его действия оправданы. Теперь ребенок, застрявший в двух временах, будет проживать свою жизнь в стабильном, если можно так сказать, состоянии. Один день – одна судьба. Второй день – другая. И никто не заметит его скитаний во времени. Даже он сам не сможет понять, каким образом это происходит. Йохан вспомнил, как путешественник из 26-го века рассказывал о причинах появления таких детей. Он знал, почему на пустынной аномальной улице появился одинокий новорожденный без матери. Но ответ был настолько пугающим, что Красный не решился поделиться данными сведениями даже с братом.

Йохан снял красный верх от комбинезона и поспешно завернул в него младенца. Теперь ребенка можно касаться.

– Тише, тише, малыш. – Йохан улыбался и качал на руках аномалию.

Джер скривил лицо:

– Не могу поверить, что я позволил тебе это сделать.

– А я даже не сомневался, – сказал брат, – что ты меня послушаешь и не станешь убивать ребенка.

Джер поднял доселе лежащую на полу светящуюся коробочку и направил на дитя. Тут же перед ним возник экран с зашифрованными надписями, понять которые мог только он сам:

– Ты что-то сделал не так. – Напряженно листал надписи Черный. – Этот ребенок все еще регистрируется как аномалия.

– Твой куб лжет. – Йохан направился к выходу.

Он лукавил. Ребенок все еще был ошибкой вселенной. Но, признав это, мужчина обрек бы младенца на немедленную смерть от рук Джера.

– Мой куб никогда не ошибается. Оставь его здесь.

– Нет. – Отрезал Красный. – Я разберусь, откуда он здесь взялся и с какой эпохой связан.

– Ты ходишь по краю. – Старший поспешно нагонял брата. – Мы должны устранять аномалии, а не обеспечивать им долгую и счастливую жизнь.

Йохан остановился и пристально посмотрел на черного корректировщика:

– Джер. – Сказал он твердо. – Это не аномалия. Это ребенок.

С этими словами он отвернулся и усерднее прижал ребенка к груди. Он все еще неосознанно закрывал его своим телом и убеждал себя мысленно, что Джер не станет стрелять.

Йохан удалялся прочь поспешным шагом. Джер остался стоять на месте. Он смотрел вслед брату и сквозь заснеженный туман до упора провожал его холодный силуэт. Черный не хотел участвовать в преступлении. Он отказывался принимать решение брата и корил себя за бездействие. Джер предался меланхоличной философии: так же, как вселенная разделила судьбу этого ребенка на две жизни, так эта аномалия пробила брешь в крепких отношениях братьев, которые раньше никогда друг в друге не сомневались.

Джер не сможет простить Йохана за его сердобольную ошибку.

Над заброшенным маленьким миром нависла непреступная тишина, которую всего лишь на мгновение нарушило эхо от выстрела.

Глава 1

2106

Тео открыл глаза. Голосовое оповещение объявляло из каждого динамика о том, что пора подниматься. Юноша никогда не любил этот звук, но только он был способен поднять его с постели. Тео посмотрел на время и задумчиво хмыкнул.

– Одо, выключи звук.

Система послушалась.

Тео потянулся на кровати и громко потребовал:

– Распорядок дня.

Тут же раздвинулись шторы, из динамика заиграла классическая музыка, а на белой стене отобразилось расписание. Одо, домашняя система управления, послушно озвучил пункты:

– В Вашем распорядке дня числится посещение консерватории в 13 часов. Вечером, в 19:00, Вы должны явиться на ужин к маме по случаю Вашего дня рождения.

– Как? – Изумился Тео. – Сегодня?

– Именно, господин Остерман. – Отозвался голос.

Теодор поморщился от яркого дневного света, поднялся с кровати и направился в ванную комнату. Встав у зеркала, он окончательно открыл глаза.

По другую сторону на него смотрел сонный юноша с взъерошенными волосами, прищуренными карими глазами, острым носом и бледной кожей. Молодой человек взял с полки деревянный гребешок и попытался привести себя в порядок. Он любил чистоту и аккуратность во всем, поэтому каждое утро первым делом занимался своим внешним обликом. Тео не любил подолгу оставаться в постели и тратить время на бессмысленную лень. Юный мистер Остерман отличался особой дисциплинированностью в своем распорядке дня и всегда старался сделать больше, чем запланировал. Он был требователен к себе и не жалел сил на пути к успеху, хотя времени для воплощения задумок в жизнь у него было предостаточно.

Вспышка света заставила вздрогнуть.

– Сканирование завершено. – Беспристрастно произнес Одо.

В углу зеркала отобразились данные о хозяине дома: «Теодор Остерман, 16 лет, рост 165 см, вес 61 кг».

Тео поднес зубную щетку к устройству, встроенному в стену, и получил стандартную дозу зубной пасты.

– А что там с моим здоровьем? – Спросил он, энергично прожевывая пасту.

– Организм в норме. Рекомендуются изменить режим питания. – Отозвался голос. – Вы употребляете слишком много углеводов.

Тео выплюнул пасту и посмотрел в зеркало:

– Так, значит, все дело в режиме питания? – Спросил он у своего отражения. – А я думал, что я сумасшедший.

Юноша всегда считал, что с ним что-то не так. Ведь Тео отличался от всех людей на земле. Он хранил тайну своего необъяснимого существования и нес через свою жизнь необычайно поразительную историю судьбы.

Засыпая ночью в какой-нибудь рядовой четверг 2106-го года, он просыпался утром в тот же самый день, но в другом, 2044-ом году. А по окончании дня в 2044-ом, юный мистер Остерман снова возвращался на шестьдесят два года вперед, и для него наконец-то наступала пятница. Но Тео ориентировался не по дням недели, а по датам, поскольку четверги в большинстве своем в разных годах могли не совпадать.

Когда человек закрывает глаза, он видит сны. Но Тео не помнил своих снов. За сон он воспринимал свою вторую, параллельную реальность.

Он живет в двух столетиях, в двух мирах, которые, как ему кажется, совершенно никак друг с другом не связаны.

– Знаешь, Одо, – юноша все еще смотрел на себя в зеркало, – я до сих пор не понимаю, какая же из этих двух жизней – ложь, а какая – правда. Сейчас я уверен, что все вокруг – настоящее, потому что я вижу и ощущаю мир как наяву. Но когда я ложился спать в 2044-ом году несколько часов назад, я был уверен, что усну, а не проснусь. Как же я устал от этого. И запутался.

– Голосовое повествование не распознано. Пожалуйста, повторите приказ. – Отозвался Одо.

Тео меланхолично посмотрел вверх. К потолку были прикреплены множественные миниатюрные рельсы – пути для перемещения Одо. Система присутствовала повсюду. На кухне она управляла манипуляторами в виде нескольких металлических рук, занимающихся готовкой. В ванной комнате вспомогательные приспособления регулировали температуру воды и подачу мыльных субстанций. Гостиная и по совместительству спальная комната также была объектом наблюдения электронного организма: Одо следил за хозяином и всегда был готов распознать его голосовые требования. Помимо прочего, Одо управлял двумя квадратными и неестественно медлительными андроидами, занятыми бытовой уборкой и разносом напитков. На первый взгляд они казались весьма неповоротливыми и нерасторопными, но, благодаря множественным щупальцам и длинным конечностям, заметно упрощали быт. Неудивительно, что в современном мире так много подростков живет отдельно от родителей: домашняя система управления делает комфортным проживание даже самых несамостоятельных и неприспособленных к жизни индивидов. Полвека назад о подобных условиях не могли мечтать и богатейшие жители столицы. Но технологический прогресс удешевил вспомогательные механизмы и сделал их использование доступным и повсеместным.

– Одному человеку приснился сон, что он бабочка. – Вспоминал Теодор. – Бабочка порхала целый день: ей было легко и приятно. Она танцевала в потоках ветра и купалась в солнечных лучах. Но потом человек проснулся. Его сон показался ему настолько реальным, что с тех пор он не может понять: то ли он человек, которому приснилось, что он бабочка. То ли он бабочка, которой снится, что она человек.

– Голосовое повествование не распознано. Пожалуйста, повторите приказ.

Несмотря на обширный спектр способностей, Одо оставался всего лишь системой управления домом. Он не мог поддержать юношу в его стенаниях. А потому иногда казался совершенно бесполезным. Но Тео знал: именно благодаря невосприимчивости Одо, тот никогда не сможет выдать его тайну. А это означает, что юноша может беспрепятственно делиться своими переживаниями с помощником и доверять ему как никому другому.

Теодор с малых лет приноровился к своей необычной жизни. В ней было много хорошего и того, что он не любил. Первостепенное, что юноше нравилось в своем неестественном существовании, – это возможность в два раза больше времени уделять урокам фортепиано.

Но именно в этом и заключалась обратная сторона медали: время для него всегда шло слишком медленно. Каждый день, каждая дата проходила через него два раза. Сначала в более современном мире, а потом в мире младше на шестьдесят два года.

В детстве он пытался рассказать о своей проблеме взрослым. Попытки объяснить свое мироощущение оказались безуспешными. Становясь старше, Тео понял: стоит сохранить свою двойную жизнь в тайне и смириться с происходящим. Он пытался извлечь выгоду из ситуации, в которой находился, и постоянно подшучивал над собой о том, что если он испортит одну свою жизнь, у него всегда в кармане лежит запасная.

Юноша умело пользовался технологиями 2106-го года и разработками 2044-го. Он никогда не путал события и людей, поскольку в обоих мирах ему встречались совершенно разные личности. Тео старался быть счастливым и там, и здесь, не отвергая попыток понять свою природу.

Самый частый эксперимент, который пытался провести Теодор – это не спать ночью, чтобы прожить два дня подряд в одном и том же мире. Но все было тщетно: как только пробивало два часа ночи в одной вселенной, Тео слышал будильник в другой и просыпался. «Нельзя попасть в шестое ноября 2044-го года, не прожив сначала шестое ноября в 2106-ом» – твердил он сам себе по окончании очередного эксперимента.

Самым сложным в его жизни было не проболтаться о событиях, которые еще не произошли. В 2044-ом году никто и не помышлял о путешествиях во времени, но юноша знал, что буквально через пять лет великий ученый Марк Беркьерс начнет работу над машиной, которая повернет историю человечества в новое русло.

Тео привык, что в ранней версии своей жизни ему приходится общаться с людьми, которые для 2106-го года уже давно мертвы. В консерватории он как-то выступал с докладом о великом композиторе двадцать первого столетия – Леоне Лотаре. И это выступление далось ему весьма успешно. Преподаватели хвалили юношу за глубокие познания повседневности великого музыканта. Тео в ответ только улыбался, не рассказывая же, что в альтернативной жизни в 2044-ом году Леон Лотар до сих пор является его одноклассником.

Новый год для юноши всегда наступал два раза. Сначала он праздновал Рождество в семейном кругу в начале двадцать второго столетия, а затем возвращался ровно на шестьдесят два года назад и отмечал праздник со своими друзьями в середине двадцать первого века.

Тео любил двойные праздники. Он томительно дожидался Пасхи, Ханухи, и особенно усердно ждал Хэллоуин. Его пугал и отталкивал только один единственный праздник. Потому что день рождения всегда заставлял задавать себе один и тот же вопрос.

– Сегодня, Одо, – он отвернулся от зеркала и поспешил на кухню, – я отмечаю свой шестнадцатый день рождения. Но ведь шестнадцать мне исполнилось не только здесь, но и там.

Юный мистер Остерман застегнул пуговицы на белоснежной наглаженной рубашке и завязал коричневый шерстяной галстук:

– Значит, чисто теоретически, мне вовсе не шестнадцать. А уже тридцать два. – Он сел за стол. – Омлет и салат из капусты.

– Время приготовления завтрака составит четыре минуты. – Наконец-то отозвался Одо. – Ожидайте.

Вдоль кухонной столешницы заездили две металлические руки, разбивая куриные яйца и нарезаая овощи. Рельсы на потолке поскрипывали, трансформируя и переставляя пути.

Юноша наблюдал за перемещением роботов и с интересом рассматривал черный окрашенный пигментами металл.

– Завтрак подан. – Объявила система. – Приятного аппетита.

Юный мистер Остерман подвинул тарелку ближе. Он приподнял руки ладонями вверх и подождал, пока Одо прыснет на них дозу дезинфицирующего средства. Тео энергично растер субстанцию между ладонями.

– Я хочу наконец-то понять, что со мной происходит. – Он откусил первый кусочек. – Может, стоит еще раз попробовать не спать ночью? Или же, наоборот, постараться уснуть днём? Хотя, какой в этом смысл? Раньше никогда не получалось.

– Разговаривать во время приема пищи не рекомендуется. – Предупредил Одо.

– Спасибо тебе, друг, – посмеялся юноша, – ты всегда умел меня поддержать.

Теодор накинул куртку и вышел из дома. Сегодня в консерватории его ожидал важный экзамен. Но юноша совершенно не волновался: ведь вчера (а точнее ровно шестьдесят два года назад) он потратил одиннадцать часов на отработку мелодии.

Снег слепил глаза, а встречный ветер стаскивал всегда расстегнутую куртку. В такую погоду невозможно перемещаться пешком. Тео нажал кнопку лифта, который поднял его вверх над землей на третью сотню метров: это была платформа воздушного метро. К началу двадцать второго века все транспортные перемещения организовали где-то наверху, оставив землю для жилых домов и пешеходов. Теперь, чтобы куда-то добраться, необходимо было сначала подняться на платформу, зависшую в воздухе металлическим облаком. Тео был человеком музыки, а потому понимание чудес техники никак не укладывались в его «гуманитарной» голове. Он с восторгом наблюдал столицу из окон воздушных поездов и каждый раз, как в первый, удивлялся невидимой силе, что удерживает их в невесомости.

В 2044-ом году таких чудес еще не было. Тео смотрел в окно и вспоминал свою вторую жизнь: детский дом обещал устроить праздник в честь его дня рождения. «Некоторым и одну жизнь не суждено прожить полноценно. А у меня такая уникальная возможность справить день рождения два раза. Как же все-таки хорошо, когда есть с чем сравнить».

С высоты воздушного метрополитена заснеженный город казался особенно белым: верхушки однотонных домов, покрытые еще более белым снегом, словно говорили о том, что столица едина в своей структуре не только с ее жителями, но даже с самой природой. Вдалеке наконец-то открылся мраморный дворец: это была консерватория, в которой Тео получал высшее музыкальное образование. И если в своей параллельной жизни таких успехов он сумеет достичь только через два года, то здесь он может наслаждаться подобной возможностью уже сейчас.

Теодор, хоть и был вундом и жил отдельно от родителей, нарочно отказался от получения досрочного совершеннолетия. Он понимал, что если почувствует себя взрослым здесь, уже не сможет оставаться ребенком в другом мире. Поэтому на вопросы матери об этой ситуации всегда отшучивался: «Я хочу оставаться твоим маленьким сыночком как можно дольше».

Консерватория открыла свои двери перед студентом и тут же преобразилась в его глазах: золотые колонны, расписные стены и классические красные полотна на окнах контрастировали с внешним обликом здания. Несмотря на указ о внешнем белоснежном убранстве построек, внутри помещения дизайнеры и архитекторы могли дать волю своим фантазиям. А поскольку консерваторию построили десять лет назад, как раз в тот год, когда разрешили внутреннюю цветовую гамму, создатели отыгрались на высшей школе сполна, за все предшествующие годы бесконечного белого цвета.

Юноша снял верхнюю одежду и посмотрел в сканер: сетчатку глаза кольнуло от вспышки. На входе стоял человеческого роста андроид, который распознавал и проверял всех присутствующих.

Перед студентом в воздухе возник виртуальный экран, где он увидел свои данные и фотографию со сморщенным лицом, которую только что сделал робот.

– Теодор Остерман, первый курс. Класс: фортепиано. – Озвучил андроид.

– Да-да, железяка, давай быстрее, мне нужен пропуск.

– Распишитесь, пожалуйста.

На виртуальном экране появилось белое окошко. Тео приложил к нему указательный палец и услышал, как что-то шелкнуло. Из квадратной груди андроида вылез бумажный пропуск. Юноша посмотрел на фото:

– Опять я сморщился. – Недовольно прошипел он и приложил пропуск к двери.

Зала отварила. Массивные двери медленно раздвинулись и впустили экзаменуемого в широкое помещение, украшенное десятками золотых колонн под круглым куполом.

– О, Тео, ты пришел! – Воскликнула женщина лет сорока, подзывая к себе юношу жестом.

– Разве я мог пропустить экзамен, миссис Кюгель? – Изумился студент.
– У тебя ведь день рождения! – Воскликнула женщина. – Поздравляю, мой мальчик!
– Благодарю. – Улыбнулся он в ответ. – Вижу, комиссия ко мне благосклонна?
– Ох, да я и так хотела тебе поставить. – Махнула рукой миссис Кюгель.
– Но я бы хотел сыграть. Я готовился.
– Тогда подожди господина Кафера, и мы приступим в порядке общей очереди. – Она пригласила Тео в зал. – Ты выступаешь после Виктории.

Теодор был лучшим на курсе. С нескрываемым восхищением на него смотрела миссис Кюгель, которой довелось сегодня принимать экзамен. Наверное, именно поэтому Тео совсем не волновался. Он присел на широкое кожаное кресло, в ожидании господина Кафера и коротал время, листая новости на смартхерде.

«Восемь подростков сегодня утром пытались перекрасить стену ратуши в розовый цвет» – прочитал он мысленно. «Тоже мне, революционеры. Правительство никогда не отменит „белый закон“. Хоть весь город перекрасьте, на следующий день все будет как прежде».

С этой мыслью Тео свернул виртуальную страницу и прочитал дальше:

«В центр управления системами поступило сообщение от анонимной личности. Человек, не назвавший имени, прислал чертежи и коды для нового поколения роботов. Аноним утверждает: его изобретения невозможно отличить от настоящих людей. Работники головного офиса проверили его исследования и подтвердили уникальность творения. На решение выдвинут вопрос о проведении социального эксперимента. „Гений без лица“, как его называют, просит внедрить своих роботов в общественные учреждения, где они наравне с рабочими будут выполнять программу заданной деятельности и выдавать себя за простых людей. Подобная мера необходима для признания роботов нового поколения человечными».

Теодор свернул новость и посмотрел в окно:

– Это невозможно, – говорил он сам себе, – если я встречу робота, то сразу пойму, что разговариваю с железякой. И никакой «Гений без лица» не сможет меня обмануть.

Он снова открыл виртуальную ленту новостей. На этот раз смартхенд развернул перед ним широкий экран и показал фотографию катастрофы: «В северном районе столкнулись аэромобиль и поезд воздушного метрополитена. Событие произошло четыре часа назад. Очевидцы утверждают: в аварии виноват водитель аэромобиля, который спутал высоту частного транспорта с общественным».

– Теодор Остерман! – Услышал юноша свое имя.

Тео резко сжал ладонь, заставляя смартхенд исчезнуть. Ему предстояло выйти на сцену и сыграть Франца Листа.

– Что будете исполнять, молодой человек? – Спросил господин Кафер, помечая данные экзаменуемого на своем виртуальном экране.

– «La Campanella». – Уверенно произнес Тео и взмахнул руками над клавишами.

– Вы забыли поставить ноты.

– Они мне не нужны.

– Тогда начинайте.

Теодор играл легко и непринужденно, словно родился «с мелодией в руках». Миссис Кюгель непроизвольно улыбалась. Ее расположение к студенту всегда придавало юноше уверенность в себе. Казалось, словно она мысленно подсказывает ему, где нужно ускориться или сделать паузу. Тео чувствовал музыку. Он любил ее больше всего на свете. И неважно, какой на дворе век: двадцать первый или двадцать второй, Теодор всегда будет любить Листа одинаково сильно.

– Bravo. – Склонил голову мистер Кафер, когда мелодия закончилась.

Тео получил «отлично» и совсем был этому не удивлен. Он попросил разрешения остаться после экзамена и потренироваться еще, на что миссис Кюгель дала однозначное согласие.

В период ожидания пианист коротал время, просматривая новости из центра управления системами. Хоть он и был слаб в понимании технических тонкостей современных изобретений, его всегда захватывал мир, который постоянно совершенствовался и удивлял все новыми и новыми возможностями.

Когда студенты и преподаватели разошлись, отличник произнес:

– Приглушить свет.

Зал окунулся в полумрак. Сейчас юноша мог сделать то, чего никогда не делал при посторонних. Он достал из кармана тканевую ленту и завязал глаза. Теперь он играл на ощупь. Теодор еще раз повторил «La Comranella», потом перешел на более медленные композиции. Он вспомнил Хорватскую Рапсодию, а также несколько произведений Баха. Тео прикасался к клавишам плавно и бережно: длинные пальцы перебирали звуки, диктуя инструменту настроение.

Юноша играл музыку и все думал о том, как проведет свое шестнадцатилетие во второй раз. Сегодня ему в голову пришла одна очевидная мысль. Он удивился, почему не подумал об этом раньше:

– Я всегда считал, что обе мои жизни никак друг с другом не связаны. – Говорил он себе. – Но тогда почему и там и здесь я выгляжу одинаково и ношу одно и то же имя?

Студент снял повязку и снова убрал ее в карман:

– Что это, сон? Или я живу в двух параллельных мирах, раскалывающих мою личность на части?

Вдруг Теодор осознал, что находится в помещении не один. Он обернулся. Едва выглядывая из-за кулис, стояла девочка. Она имела тонкую фигуру и казалась немного угловатой. На голове был завязан красный ленточный бант. Ее одежда оказалась весьма причудливой: незнакомка носила красный сарафан в клеточку и белые полосатые колготки. Девочка продолжала держаться обеими руками за кулису, хотя уже не скрывала своего присутствия. Она с любопытством разглядывала Тео: кажется, ее очень заинтересовали сапоги студента.

– Впечатляет. – Улыбнулась незнакомка.

– Что именно?

– Я видела, как ты закрыл глаза повязкой.

– Тебе мама не говорила, что подглядывать нехорошо? – Тео развернул корпус и теперь сидел спиной к музыкальному инструменту.

– Я слишком взрослая, чтобы спрашивать разрешение у мамы.

– Неужели? – Изумился он. – И сколько же тебе лет, взрослая?

– Тринадцать. – Гордо сообщила юная мисс.

Теодор рассмеялся. В 2106-ом году было много вундов, и совершеннолетие можно было получить намного раньше. Но девочка выглядела как самый обычный ребенок. Ее глаза выражали детскую беспечность. Юноша сразу понял, что она пришла сюда не одна.

– Я Тео. – Он протянул ладонь девочке.

– Я Астрид. – Она добродушно сжала ладонь в ответ. – Ты научишь меня так играть?

– Не думаю. – Юноша замялся. – Из меня плохой учитель. Тем более, чтобы так играть, нужно постоянно тренироваться.

– Я тренируюсь! – Возразила девочка и тут же села за инструмент, оттолкнув при этом в сторону своего нового знакомого. Тео с изумлением повиновался и встал возле нее.

Он ожидал услышать что-нибудь классическое и даже хотел мысленно попытаться угадать, что покажет ему юная пианистка. Теодор знал много упражнений для начинающих, но в своем обучении подолгу на них не останавливался. Когда Тео вспоминал свои первые уроки фортепиано, перед глазами всегда появлялся образ восхищенной миссис Кюгель, с кото-

рой он был знаком задолго до поступления в консерваторию. Она давала ему частные уроки, дополняющие занятия в музыкальной школе, и постоянно отмечала «несравненный талант и поразительную восприимчивость».

Девочка взмахнула пальцами и принялась ударять по клавишам, совершенно не разбирая, куда попадает. Инструмент взвыл и закрипел, а Тео тут же закрыл уши руками. Юная пианистка, как оказалось, была не способна ни музицировать, ни вести себя прилично. Она знала, что своими действиями доставляет ему только дискомфорт, но продолжала грубо стучать по белым и черным клавишам.

– Астрид! – В зале появилась миссис Кюгель. – Что ты делаешь? Немедленно прекрати!

Миссис Кюгель застучала каблуками в сторону несостоявшейся пианистки. Она размашисто двигала руками, приготовившись оттащить девочку от пережившего непотребство инструмента.

Девочка остановилась и виновато посмотрела в лицо женщины, едва сдерживая непровольный смешок.

– О, так она ваша? – Спросил Тео.

– Да, да. – Женщина поспешно схватила ребенка за руку. – Это моя родственница. Навязали сегодня на мою голову это безобразие. Астрид, нам надо серьезно поговорить!

– Да у нее талант! – Съехидничал юноша.

– Ох, перестань, Остерман! – Миссис Кюгель сверкнула глазами. – Тебе пора закругляться, мы закрываем помещение.

Девочка перестала сдерживаться и беззвучно захихикала, подмигивая новому знакомому.

– Да, я уже уйду. – Он заторопился к выходу.

– Тео, ты слишком усердно работаешь. Нельзя так. – Сказала миссис Кюгель на выходе. – У тебя день рождения, а ты проводишь драгоценные часы в консерватории.

– Я как раз собирался на ужин к маме. – Возразил именинник. – Она ждет меня на торт и семейный просмотр фотоальбома.

– Что ж, надеюсь, ты хорошо проведешь время. – Миссис Кюгель улыбнулась и потянула девочку за руку.

Когда створки залы закрылись, а впереди протянулся продолговатый коридор, девочка запнулась о порожек, всматриваясь в робота на входе. Миссис Кюгель что-то прошептала ей раздраженным голосом и сильнее дернула за руку.

Тео задумчиво наблюдал за тем, как они удалялись по коридору. На повороте девочка обернулась и крикнула:

– Пока, Тео! – Она помахала ему рукой.

– Пока, Астрид.

Юноша снова воспользовался воздушным метро. После утренних новостей об аварии он чувствовал некоторую неуверенность в общественном транспорте, но денег на собственный аэромобиль у него не было. Стипендия едва позволяла покрывать аренду квартиры, где он проживал. Питание оплачивала мать.

Маме было уже почти пятьдесят лет. С отцом Теодора, на данный момент уже ушедшим в мир иной, они поженились довольно-таки поздно. Она не торопилась замуж, а когда все-таки скрепила отношения узами брака, то вскоре осталась вдовой. Отец умер, едва Тео исполнилось шесть.

После смерти мужа женщина больше не стремилась к браку. У нее есть сын, и ей этого вполне достаточно. Теперь, она была одинокой и беспричастной к окружающему миру.

Сейчас одиночество женщины обусловлено вдовством, но до появления Тео был ряд других объективных причин. Хельге Остерман, в девичестве Мейер, было некогда заниматься лич-

ной жизнью: до тридцати двух лет она ухаживала за своим старым родственником, уважаемом при жизни профессором, который внес огромный вклад в науку пространственно-временных технологий.

Хельга не раз говорила, что Генри Мейер, ее дедушка, был удивительным человеком, примерным семьянином и великим ученым. Его опубликованные работы легли в основу многих современных изобретений, усовершенствовавших технологии путешественников во времени. Именно он создал аппарат, который должен в ближайшем будущем открыть новые горизонты странникам во времени и проложить путь в двадцать четвертое столетие. Конечно, работа еще не закончена и ждет научного вклада иных умов, но фундамент уже заложен. И заложен именно усилиями профессора Мейера.

Тео внимательно слушал рассказы матери, но никогда не поддерживал этот разговор и всегда уклончиво пытался перевести тему в другое русло. На то у него была весьма любопытная причина.

Теодор не рассказывал родительнице о своей параллельной жизни, в которой ее любимый профессор здравствует и процветает. Он старался избегать разговоров, пересекающих его параллельную судьбу, так как боялся сболтнуть лишнего. Тео считал, что мама не поверила бы в его необычайное двойственное существование. А даже если бы поверила, то не смогла бы понять.

Но это не единственная причина, по которой Тео избегал вопросов о прошлом. Он давно пребывал в страхе узнать что-то о своей параллельной судьбе. Ведь наверняка в этом столетии вторая версия Теодора, родившаяся в 2028-ом году, уже состарилась и умерла. Получение информации о прошлом могло привести к тому, что Тео узнает, куда приведет история его более раннюю версию, и он проживет одну из жизней в полном известии о том, как все случится. Тео считал, что это неправильно. Ему бы не хотелось знать ни ключевых моментов своей жизни, ни тем более даты смерти. Он предполагал, что день смерти в одной реальности может совпасть с днем смерти во второй реальности. А это значит, что он вполне мог бы знать точно отведенный ему срок. Во избежание этого, он никогда не искал информации о себе самом и уклонялся от опасных разговоров.

– Ты родился в 2090-ом году, – говорила мама, листая старые печатные фотографии, – мы с папой не предполагали твоего появления.

– Я нежеланный ребенок? – Удивился юноша.

– Желанный. Очень желанный. – Улыбалась Хельга. – Просто неожиданный.

Тео посмотрел на высокий стеллаж с фотоальбомами:

– Мама, почему ты хранишь фото? – Спросил он. – Все эти снимки занимают слишком много места. Загрузи их в смартфон.

– Нет, Тео. – Она прижимала альбом к груди. – Я хочу осязать наши воспоминания. Это традиция семьи. Хочешь, я расскажу тебе о нашей семье?

– Да, конечно. – Солгал юноша.

Хельга поспешно достала альбом с верхней полки. Она неосторожно коснулась соседних фотографий и чуть не уронила стеллаж. Все обошлось. Хельга попросила сына придержать конструкцию. Они вместе сложили лишние альбомы обратно и вернулись к просмотру фотографий:

– Вот смотри, – она показала снимок, где на широкой мраморной лестнице располагалось большое семейство – это я, мне здесь всего пять лет.

Тео увидел маленькую улыбчивую девочку на руках такой же улыбчивой молодой девушки.

Это моя мама, она старшая, и две ее сестры.

Рядом с молодой мамой Хельги, бабушкой Тео, сидели девочки-двойняшки, которые больше походили на сестер самой Хельги, а не сестер ее матери.

– И того три дочери у одних родителей! – Воскликнул Тео. – Как же они друг с другом не перессорились?

– Сейчас тоже бывают такие семьи. – Хельга села ближе к сыну.

– И все-таки я удивляюсь. Я сам с собой иногда ссорюсь, а тут три сестры...

– А вот это, – она показала на главу семейства, – мой дедушка, твой прадедушка, профессор Мейер.

Тео скривил лицо. Он подумывал сказать маме, что в параллельной реальности пару дней назад «профессор прадедушка» поставил ему по физике неуд, но вовремя прикрыл рот рукой.

«Как же все-таки иногда сложно мириться со своей двойной жизнью». – Думал юноша.

Вчера он оправдывался перед учителем физики за невыполненное домашнее задание. А сегодня этот учитель – уже давно ушедший профессор пространственно-временных технологий. Когда Тео перешел в основную школу, в 2042-ом году, он сразу узнал мужчину. И, конечно же, никак не мог сосредоточиться на содержании урока. Он не сводил глаз с призрака из прошлого и на первом же уроке получил «неудовлетворительно».

Со временем Тео привык к некоторым пересечениям своих жизней. Однако он все равно никак не мог найти связи между двумя такими разными мирами.

«Обидно, а ведь он даже не догадывается о том, что мы родственники. Живет своей беспечной человеческой жизнью, рассуждает о теориях перемещения во времени, и даже не знает, что через пять лет Марк Беркьерс приступит к исполнению его мечты о...». – Тео не успел додумать свою мысль.

– А это его жена, Лия Мейер. – Произнесла Хельга и запнулась.

Она была последней, кто сохранил тайну семьи. Женщина видела Лию молодой и безукоризненно верила в самую необычную историю любви во всем мире. Мать не стала рассказывать сыну о роковых событиях: ее решением было стать последней, кому известны секреты профессора Мейера. Правда должна быть погребена. И этому есть ряд объективных причин: история слишком далека от современности. На свете уже нет тех фактов из событий, которые еще не произошли и которые могут стать доказательством правдивости всей этой истории. А даже если бы сын поверил ей, смог бы он ее понять? Хельга сильно сомневалась в этом.

Так они и сидели, рассматривая снимки и утаивая каждый свой секрет. Если бы между ними было хотя бы немногим больше доверия, Тео наверняка быстрее разгадал тайну своего существования, имея перед собой яркий пример пространственно-временного парадокса. А даже если бы история Лии Хартман ему бы не помогла, он хотя бы перестал быть таким одиноким в своих бесконечных скитаниях.

– А это кто? – Тео показал на кудрявую женщину слева от профессора.

– А это сестра твоего прадедушки. – Сказала мама, оживившись. – Роксана Циммерман. И ее сын, Теодор.

– О, нас зовут одинаково.

– Да, я назвала тебя в его честь.

– Правда? – Изумился юноша. – Почему?

Хельга закрыла альбом и поставила на стеллаж.

Время было позднее, но в честь дня рождения Тео женщина испекла торт. Она сделала это сама, не прибегая к помощи роботов, от чего праздник казался по-особенному торжественным.

Женщина предпочитала самостоятельно разливать чай и почти не пользовалась современными бытовыми приспособлениями. Тео никак не мог понять этого, ведь ему было с чем сравнивать. В 2044-ом году ему очень не хватает андроидов, накрывающих на стол, и смарт-хенда, который изобретут только через четыре года.

– Когда мне было восемь лет, – рассказывала Хельга, расставляя тарелки, – я упала с катамарана в реку. Это было совсем недалеко от берега. Но плавать я не умела. Теодор Циммерман вытащил меня на берег, завернул в полотенце и долго вытирал слезы с моего опухшего лица.

Женщина смутно помнила этот день, но перед глазами по-прежнему стояло изображение синего полотенца и заботливого родственника, трепетно глядящего ее по мокрой макушке.

– Мама, ты никогда не рассказывала...

– Да как-то к слову не приходилось. – Она отрезала первый кусочек. – Но я настолько была впечатлена его поступком, что назвала тебя в его честь.

– Похоже, ты была ему очень благодарна за спасение жизни.

– Именно.

Тео почувствовал во рту сладкий привкус ванили. Он размышлял о своей параллельной жизни, где тоже носил имя Теодор Остерман. «В том мире мама еще не родилась, а мистер Циммерман еще не спас ей жизнь. – Думал он про себя. – Тогда почему я также ношу это имя? Ведь семья моей матери в 2044-ом году вообще не имеет ко мне никакого отношения».

– Ну как тебе? – Спросила она волнительно.

– Очень вкусно, мама, спасибо. – Теодор пережевывал пищу. – Вот только Одо сказал, что я употребляю слишком много углеводов.

– Не слушай эту электронную ерунду! – Возмутилась Хельга. – У тебя растущий организм, ты должен есть все, что тебе хочется.

– Такой подход мне нравится больше! – Улыбнулся именинник. – Надо будет изменить настройки этой железяке. Пусть он тоже каждый день говорит о том, что у меня растущий организм.

– Зачем он вообще тебе нужен? – Спросила Хельга. – Ты ведь все можешь сделать сам.

– Не знаю. – Ответил юноша. – Наверное, он просто мне нравится. Одо весьма разговорчивый по утрам.

Смартхенд предупредил о полуночи. Тео взглянул на мигающую иконку кровати и невольно подумал: «Нужно поскорее лечь спать, иначе я упаду прямо посреди комнаты и мама не сможет меня разбудить до самого утра, пока не закончится мой день рождения в 2044-ом году. Жаль, что уже так поздно. Я не успею вернуться домой, а значит не смогу снова попытаться бодрствовать ночью. Конечно, все предыдущие попытки провалились. Но кто знает, может быть на день рождения у вселенной припасены другие правила? Маловероятно. Но мне бы этого хотелось».

– Мама, я останусь у тебя. – Сказал юноша и отправился в свою детскую комнату.

Тео жил с матерью пятнадцать с половиной лет, до самого поступления в консерваторию. Но теперь ему пришлось привыкать к самостоятельной жизни, поскольку путь до учебного заведения из родительского дома был неблизким. Тео прилег на кровать, однако сон никак не шел. Юноша все рассуждал о родственниках с фотографии. Как бы он чувствовал себя, если бы у него было три сестры? Смог бы он рассказать им свою тайну? А ведь когда-нибудь ему придется задуматься и о своей семье. Неужели он станет жениться и заводить детей в обеих временных линиях? Будет ли это предательством? Может не стоит связывать себя узами брака? А что, если его дети окажутся такими же «ненормальными» как и он сам? «Я слишком рано об этом думаю. Мне всего шестнадцать. Какие тут могут быть дети?»

Смирившись с бессонницей, он снова поднялся с кровати. Тео вернулся в гостиную и продолжил рассматривать стеллаж с фотографиями. Полки оказались набиты под завязку. «Ну, надо же, – подумал юноша, – чтобы рассмотреть все эти снимки мне бы потребовалось даже не две, а три или четыре жизни».

Хельга, как и ее сын, любила порядок во всем. Альбомы были пронумерованы и упорядочены в своей хронологии. Она заботливо подписала каждую папку, наклеив стикеры с допол-

нительными комментариями. Мелким шрифтом Тео прочитал обозначения: «Мои питомцы», «Отпуск в Париже», «Новый год с друзьями».

Он бегло пролистал альбом с питомцами и нашел фотографии большого пучеглазого кота: рыжик с удивлением смотрел в объектив и пытался дотронуться лапой до камеры». Затем Тео перешел на более старые снимки. Его привлекла фотография прабабушки Лии в ее последние годы: женщина сидела в кожаном кресле и задумчиво смотрела в окно.

Внезапно на глаза попался альбом, который прежде юноше открывать не доводилось: «2089».

Тео родился в 2090-ом году, а значит, на фото он должен увидеть своих молодых, не обремененных семейными обязанностями, родителей. Вот, август: застывшая мама смеется и вытирает кефирные усы. Вот, октябрь: папа сделал маме предложение и сфотографировал ее безымянный палец, на котором красуется зеленый малахит. Вот ноябрь: прошло 100 дней со смерти прадедушки Генри, и мама устроила поминальный вечер в его честь. Декабрь: и снова беззаботная мама улыбается в камеру.

Кое-что не сходилось. Пролистав фото, Тео ужаснулся.

– Мама! – Громко произнес юноша, скрывая в голосе дрожь.

Женщина уже успела уснуть: она вздрогнула, приподнимаясь на кровати. На щеке образовалось небольшое покраснение с узором от ночной сорочки.

– Что такое, сынок?

Юноша скомандовал включить внешний свет и поспешно раскрыл перед ней альбом:

– Почему ты никогда не показывала мне эти фотографии?

Он заметил, как мать закричала ногтями по простыни: это значит, что она нервничает. Женщина тяжело дышала и щурилась от непривычного освещения.

– Эти фото сделаны в 2089-ом году? – Уточнил сын.

– Да.

Она уже знала, какой вопрос последует дальше. Наверное, давно было пора рассказать ему. Оставлять Тео в абсолютном неведении навсегда было бы крайне несправедливо. Но прежде он был слишком мал, чтобы понять.

Она посмотрела на сына.

– Мама, – говорил он сбивчиво, – я родился 20-го января 2090-го года.

Он указал пальцем на фото:

– Посмотри, это фото сделано в декабре?

– Все верно, Тео.

– Почему, – он захлопнул альбом, – почему на фото ты не беременна?

Хельга хотела ответить, рассказать ему о его происхождении. Теперь она решилась. Но не успела. Теодор навзничь упал на ее кровать, потянул на себя одеяло и в полудреме отвернулся к стене. Он не может сопротивляться законам своей природы. Он не может прожить и минуты в этом новом наступающем дне, не прожив сутки на другой стороне своей жизни.

Хельга с его малолетства по-своему трактовала эти внезапные приступы сна.

Она была уверена, что это необъяснимая особенность его организма. Когда Теодор был маленьким, она беспокойно спрашивала врачей, но те убедили мать в том, что Тео абсолютно здоров. Поэтому она перестала сопротивляться его сонливости и заботливо укладывала в кровать, если он не успевал до нее добраться.

Теперь же он стал для нее слишком тяжелым, поэтому более серьезно начал подходить к своему режиму. Тео заранее ложился в постель, и лишь весомая причина могла заставить его забыть об этом.

Женщина укрыла сына. Она поцеловала его в лоб и скомандовала:

«Выключить свет».

Комната погрузилась в полумрак.

Глава 2

2044

В 2044-ом году жизнь юноши была более динамичной. Здесь он являлся воспитанником детского дома, а потому находился в постоянном окружении своими названными братьями и сестрами. На момент середины двадцать первого века в стране оставалось всего два таких заведения. Теодору посчастливилось быть подопечным именно того, который лучше всего финансировался государством. Это был охраняемый объект, который носил название «Центральный Столичный Детский Дом». И хорош ЦСДД был именно тем, что пустовал почти на треть. В этот период человеческой истории медицина достигла внушительных высот, благодаря чему нежеланные дети перестали рождаться, а желанные имели все возможности быть еще в утробе матери излеченными от всех патологических недугов. Потому в детских домах почти не оставалось необходимости.

Дети воспитывались небольшими группами. В составе группы Тео находилось всего пять человек: три мальчика и две девочки. Они назывались группой Ребекки Лукас, по имени их основного воспитателя.

Женщина ответственно подходила к своей профессии. Она всеми усилиями старалась дать ребятам родительскую ласку, заботу и воспитание. Но дети, в силу возраста опекуна, воспринимали ее больше как бабушку, нежели мать. Это заставляло их во многом прислушиваться к ее мудрости.

У каждой группы, как и у группы миссис Лукас, был собственный жилой блок, состоящий из женской и мужской комнат, а также гостиной, где можно сделать уроки, почитать книги и пообщаться.

Однако компания Тео почти никогда не пользовалась гостиной: в основном ребята собирались в комнате девочек, чем неоднократно ввергали миссис Лукас в раздраженное состояние.

Тео открыл глаза и осмотрелся: комната пустовала. Он приподнялся на кровати и лениво потянулся. Сегодня юноша чувствовал себя совершенно разбитым. И неудивительно, ведь накануне Теодор до упора разглядывал фотографии со стеллажа Хельги.

Воспитанник поставил ноги на пол: холодно. Обувь в очередной раз куда-то пропала. И не только обувь: пропали друзья. Все кровати по неизвестным причинам заправлены. Ни Макса, ни Даниэля в спальне не оказалось. Тео посмотрел на руку в ожидании увидеть время на смартхенде. Но тут же вспомнил, что находится в 2044-ом году, где данное приспособление еще не использовали. Именинник узнал время на телефоне: только половина седьмого утра.

«Где же все? – Он задавался вопросом.

Обычно юноша заводил будильник на это время, чтобы встать раньше остальных и первым посетить ванную комнату. Он задумчиво открыл дверь, выходящую в уборную прямо из спальни, умылся и почистил зубы. На этот раз в зеркале юноша видел только свое отражение: Одо не подсказывал правильный режим питания, андроиды не катались по потолочным рельсам.

Тео ощутил, как по ногам разливается холод, и решил поискать свою обувь в коридоре. «Наверное, это Оливия украла мои ботинки, – подумал он, – маленькая проказница».

Дверь в спальню открылась.

Тео внезапно подскочил от громогласного «С днем рождения!». Вокруг него столпились приятели, напевающие всем известную поздравительную песню. Они пританцовывали в такт, ритмично щелкали пальцами, а смысленый Макс периодически бил себя кулаком в грудь.

Тео изумленно смотрел на процессию и бесконечно смеялся. Софи торжественно протянула коробочку с бантиком и прокричала:

– Музыкальный подарок музыкальному человеку!

– Музыкальный подарок музыкальному человеку! – Вторили остальные.

Именинник поспешно развернул коробочку и нашел внутри камертон для фортепиано.

– Спасибо, друзья! – Он попытался обнять всех сразу.

– Сегодня знаменательный день! – Торжественно объявил Макс, вскочив в обуви на освободившуюся кровать Теодора. – Потому что в этот день родился великий человек!

– И кто же это? – Игриво спросила Софи.

– Как кто? – Наигранно удивился названный брат. – Ну, конечно же, римский император Карл Третий!

– Макс?! – Возмутилась Оливия.

– А, ну да. И ты тоже. – Указал он на Тео.

Именинник рассмеялся. Ничего другого от товарища он не ожидал. Макс постоянно подшучивал над друзьями, что временами приводило к случайным обидам. Но Тео был не настолько раним. Скорее наоборот, он любил, когда его личность выставляли на суд юмористической жилки Макса.

Даниэль похлопал Тео по плечу:

– Как насчет хорошенько отпраздновать?

– Музыку! Музыку! Музыку! – Закричали хором подопечные детского дома.

Тео знал, чего они хотят. Он попытался продемонстрировать ложную скромность, немного замялся, а потом произнес:

– Ну, так и быть! – Юноша схватил Софи за руку и потянул ее за собой, перебежками направляясь в сторону западного крыла.

Остальные с визгами и улюлюканьем отправились за ними.

Ребята проносились мимо спальных комнат, расположенных вдоль узкого коридора. Они решительно направлялись к актовому залу. Впереди всех, держась за руки, бежали Тео и Софи. Она была всего на год младше именинника. Софи – круглолицая улыбчивая девочка. У нее смуглая кожа, темные прямые волосы до лопаток и косая челка, закрывающая левый глаз. За ними не отставали Даниэль и Макс. Они были немного похожи друг на друга, хотя родственниками не являлись. Даниэль разве что был немного опрятнее Макса: последний никогда не следил за своей одеждой, что приводило к неоднократным стычкам с миссис Лукас. Но Макс лучше Даниэля учился в школе и периодически разрешал ему списывать на тестах. Едва догоняя остальных, спешила Оливия – самая младшая девочка в группе. Она была сестрой Даниэля и постоянно докучала ему своим присутствием: в подростковом возрасте натянутые отношения между братьями и сестрами являются не редкостью.

Распахнув дверь, все пятеро забрались на сцену и окружили возглавляющее музыкальный зал фортепиано. Тео немедля заиграл ирландскую композицию, энергично перебирая клавиши одну за другой. Остальные принялись танцевать. Даниэль скинул ночную футболку и замахал ею, словно флагом, над головой, заставляя товарищей взрываться от смеха. Софи возомнила себя балериной и попыталась сделать воздушный реверанс. Однако ее неуклюжесть вызвала новую волну смеха. Макс подыгрывал на воображаемой гитаре, представляя себя солистом известной музыкальной группы. Оливия топталась на месте, стараясь как можно сильнее раскружить свое платье.

Именинник двигал головой в такт композиции.

Здесь все было совершенно иначе. Тео мог позволить себе дурачиться и оставаться ребенком так долго, как только может. Юноша забывал о том, что где-то далеко, в шестидесяти двух годах отсюда, он уже ответственный студент с серьезными целями и большими амбициями.

Теперь весь этот мир с воздушными поездами и мамиными фотографиями казался нереальным, ведь в мире нет аэромобилей, так же как у Тео нет мамы.

Другая жизнь заставляла чувствовать себя другим человеком. Конечно, основные принципы поведения Тео сохранял в обоих мирах, но в 2044-ом году он ощущал себя более безопасным и живым. Сейчас, находясь в эйфории от праздничного поздравления, Тео на время забыл последний разговор с Хельгой и не беспокоился о том, что узнал об отсутствии ее беременности. Сегодня он еще не раз об этом задумается. Но в этот приятный момент, негативные мысли отступили, предав его беспечному забвению.

– Что это вы расшумелись? – В зал вошла воспитатель.

Теодор тут же закрыл крышку инструмента, подскочил и встал в ряд с остальными.

Даниэль в спешке натянул футболку наизнанку.

Ребекка Лукас была строгой, но понимающей женщиной. Она заботилась о своей группе подопечных самоотверженно. Опекун старалась стать им не только матерью, но и другом. Воспитанники любили женщину и во многом зависели от ее мнения. Тео, как и остальные, не хотел расстраивать миссис Лукас по пустякам.

– Мы поздравляли Теодора с днем рождения. – пояснил Макс.

– Это вы, конечно, молодцы. – Улыбнулась женщина. – А вы учитывали, что нужно смотреть на время?

Дети смущенно переглянулись.

– Сейчас половина седьмого утра. – Говорила строго воспитатель. – Все остальные ребята до сих пор лежат в своих постелях.

Она скрестила руки на груди и покачала головой:

– А мои проказники почему-то празднуют.

– Простите нас, миссис Лукас. – Игриво улыбнулась Софи. – Не держите зла на бедных брошенных сирот.

– На меня твои манипуляции не подействуют. – Женщина обратила свой взор на подопечную. – Так что мигом отправляйтесь в свои постели!

Товарищи послушно проследовали в спальный корпус.

На этот раз они шли спокойным шагом, тихо переговариваясь между собой. Деревянный пол сменился на твердую холодную плитку, и Тео снова вспомнил, что на нем нет обуви.

– Оливия. – Мягко попросил он. – Не могла бы ты вернуть мои ботинки?

– Это не я! – Возмутилась девочка. – Ну, по крайней мере, на этот раз.

– Это я. – Признался Даниэль.

– Зачем?

– Нам надо было как-то заставить тебя выйти из спальни. – Пояснил он. – Мы и без того ожидали под дверью добрую половину часа.

– Интересно, а торт будет? – Спросила Оливия, хватая за руку Даниэля.

– Тебе лишь бы пожрать, мелкая. – Ответил старший брат и нехотя сжал ее ладошку.

– А помните, на день рождения Макса нам раздавали заварные пирожные? – Вспомнила Софи.

– Это когда ты запивала угощения компотом, а он полился у тебя из носа? – Усмехнулся Макс.

Стены снова вздрогнули от смеха.

На вечер товарищи запланировали совместный просмотр фильма. После долгих уговоров, Ребекка Лукас разрешила нарушить режим в честь праздника. Но именинник все равно отправится ко сну раньше остальных.

Тео всегда заканчивал совместный вечер первым: он знал, что если не ляжет спать вовремя, то может упасть на пол прямо посреди коридора и тогда ребята, не добудившись его, будут общими усилиями оттаскивать беспробудное тело к кровати. Такое уже случалось

раньше, когда Тео пытался «победить свою болезнь». Но от параллельной жизни лекарства не существовало.

Макс называл его «спящей красавицей». Теодор не обижался. Он и сам смеялся над своей сонливостью. Несмотря на странность – засыпать не позднее двух часов ночи – юноша никогда не был предметом серьезных насмешек. Напротив, он являлся всеобщим любимцем. В группе Ребекки Лукас он был самым старшим. Следом шли пятнадцатилетние Даниэль, Макс и Софи. Оливия была младше всех – ей недавно исполнилось десять. Администрация детского дома пошла на уступки, включая ее в группу, в силу нежелания разлучать ее со старшим братом.

Ребята стояли у ворот заведения в ожидании школьного автобуса. Внезапно Тео вспомнил, на чем остановился его день в 2106-ом году.

«Мама что-то от меня скрывает – думал он, вглядываясь в голые заснеженные деревья – она не была беременна накануне моего рождения. Значит ли это, что я приемный ребенок? В таком случае, моя вторая жизнь пересечется с первой: в обоих мирах я окажусь сиротой, не имеющей родственных связей ни с семьей Остерман, ни с семьей Циммерман, ни с семьей Мейер».

Тео любил свою школу. Ему повезло учиться в обеих вариациях своей жизни в одном и том же учебном заведении. Правда, в одной из версий бытия благодаря возможностям вундов, юноша уже закончил последний класс и поступил на первый курс в консерваторию. Но мир двадцать первого века уготовил ему здесь еще три года школьной жизни.

Ребята разошлись по кабинетам и отправились на первый урок. Сегодня был вторник, а значит, Тео ожидало суровое испытание – урок физики.

Он опирался на локоть в ожидании преподавателя и размышлял о том, как будет сегодня оправдывать свою неподготовленность.

Преподаватели, которые работали в столичной школе, в основном имели кандидатскую степень или даже профессорскую квалификацию. Это были педагоги, которые максимально точно знали свой предмет и могли наиболее глубоко освятить программу своей дисциплины.

К своей профессии учителя относились максимально серьезно и требовали неоспоримой результативности у своих учеников.

В кабинет вошел высокий мужчина средних лет, неизменно носивший черный строгий костюм и кожаный портфель с документами. Мужчина всегда появлялся в кабинете эффектно: едва он переступал порог, как тут же начинал вести лекцию, жестом предлагая вставшему классу вернуться на свои места.

– Тема урока: – он активно жестикулировал – «Электрический ток в полупроводниках». Но прежде, чем мы начнем, я должен проверить ваше домашнее задание.

Мужчина включил компьютер и отобразил на экране список учеников.

К 2044-ому году школьная доска приняла на себя новые функции: теперь это не только белое полотно, на котором маркером обозначают научные данные. По совместительству это табель успеваемости класса: как только включался компьютер, на доске тут же отображались оценки учеников. Тео был в середине списка, поэтому его неуды «украшали» самый центр табеля.

– Профессор Мейер! – Подняла руку одноклассница. – Можно мне ответить?

– Конечно, мисс Изабелла, я дам вам слово. – Отозвался он, глядя на девушку. – Но сначала я бы хотел послушать наших излюбленных «хорошистов».

Тео знал, кого он имеет в виду и непроизвольно съежился.

Был бы это урок географии, истории или литературы, юноша мог бы смело поднимать руку. Но физика казалась ему настолько неинтересна, насколько не давалась даже усилиями воли. Поэтому по вторникам Теодор испытывал стабильную порцию стресса, самобичевания и тревожного холодка по спине.

– Мистер Остерман, – обратился к нему профессор, – желаете ответить?

Тео приподнялся, а про себя подумал: «Я бы пожаловался на это нездоровое внимание к моей персоне вашей внучке, профессор дедуля, но она еще, к сожалению, не родилась». Юноша поскрипел зубами и мысленно добавил: «Хотя после того, что я вчера узнал, возможно, мы с вами вовсе и не родственники. Поэтому можете смело мучить меня дальше».

– Мистер Остерман. – Вновь повторил профессор – Вы дали обет молчания?

По классу прошелся смешок.

– Профессор Мейер, – выпалил Тео – а давайте я вам на фортепиано сыграю?

Смех стал громче. Вероятно, из-за волнения ученик ответил недостаточно уважительным тоном, хотя не преследовал цели оскорбить педагога.

Учитель приподнялся с места и посмотрел на юношу обжигающим взглядом. В его глазах читалось недовольство, недоумение и, может быть, немного презрения:

– Мистер Остерман. – Профессор зашагал по классу. – Я восхищаюсь вашим талантом и вашими непомерными амбициями. Но столь же сильно, сколь в вас присутствует переизбыток творческой самодостаточности, столь же безмерно вам недостает усердия и, наверное, ума.

«Это было замечание или совет?» – Тео не понял красноречивых высказываний учителя.

– Вы совершенно не желаете думать. – Продолжал профессор. – Вы делаете только то, что у вас получается без особых энергетических затрат. Вы не хотите прилагать усилий к техническим дисциплинам и тем самым ухудшаете итоговые баллы. Неужели Вас устраивает ситуация с Вашим табелем?

– Мне не нужна физика. – Наконец-то ответил юноша. – Моя жизнь – это консерватория, композиторы и музыканты: Руджеро Леонкавалло, Ян Сибелиус, Бенжамин Бриттен, да даже Александр Скрябин и Лев Термен.

Тео продемонстрировал перед классом знания области, в которой разбирался, пытаясь этим компенсировать позорную дезориентацию в физике.

Профессор посмотрел в окно и усмехнулся:

– А вы знаете, милый юноша, что Лев Термен был не только музыкантом?

Тео не ответил, потому что не понимал, о чем говорит учитель.

– Конечно, вы не знаете. Вы думаете, что вас это не касается. – Он перевел взгляд на класс. – И вам невдомек, что в 1920-ом году этот самый музыкант, по совместительству инженер-электромеханик, создал первый электромузыкальный инструмент «Терменвокс», предназначенный для классических и эстрадных исполнений.

Профессор снова зашагал по кабинету:

– Конечно, вам также неизвестен и тот факт, что «Терменвокс» долгое время являлся единственным музыкальным инструментом, на котором играют движениями рук в воздухе, без прикосновений, меняя емкость электромагнитного поля. – Профессор оперся кулаком о столешницу первой парты. – И что самое интересно, вас это не волнует.

Во время пауз между комментариями учителя в классе стояла абсолютная тишина. Именно это заставляло Теодора испытывать максимальное чувство неловкости.

Мистер Мейер обратил свой взор на непослушного ученика:

– И вам также абсолютно бесполезно объяснять, насколько важна эта информация для любого уважающего себя студента консерватории, коим вы так яростно желаете стать. – Закончил профессор. – Садитесь. Неуд.

Тео вернулся на место, не зная, что ответить. Можно было бы в принципе остановиться на Александре Скрябине, но он зачем-то в своих восклицаниях упомянул Льва Термена, желая показать свои широкие познания в музыкальной области. Однако тем самым, он загнал себя в ловушку и получил ответный удар. Профессор не тот человек, с которым можно было соперничать. Теодор зарекся не привлекать к себе лишнего внимания и потупил глаза в пол.

– Вот он тебя растоптал... – Прошептал сосед по парте.

– Помолчи, будь добр. – Отмахнулся юноша.

Профессор пригласил к доске Изабеллу, которая в очередной раз получила «отлично».

Настроение именинника было испорчено. Он винил себя за свой длинный язык и рассуждал, как бы ответил ему профессор, если бы Тео не назвал имени инженера-электромеханика, известного ученику до этого момента только в роли виртуозного виолончелиста.

Завидев в коридоре после уроков Софи, юноша окликнул ее по имени. Девочка разгладила немного помятую блузку и поспешила к другу. Она была преисполнена хорошего настроения, чего нельзя было сказать о ее собеседнике:

– На тебе нет лица! – Изумилась девочка. – Что произошло?

– Мейер. – Емко ответил ученик.

– Что ему от тебя нужно? – Недовольно цокнула подруга.

– Он обещал мне в этом семестре давать слово на каждом занятии, – ответил Теодор, – чтобы я подтянул предмет и исправил ситуацию с прошлого полугодия.

– А ты?

– А я не могу понять ни одного слова из этого текста.

Тео достал из рюкзака учебник по физике и показал подруге. Он открыл параграф на середине книги и процитировал:

– «Скалярная величина, которая характеризует действие магнитной индукции на некий металлический контур...». Софи, ты только послушай! Это же какой-то иностранный язык! – Возмутился он.

Девочка не нашлась, что ответить. Она тоже ничего не поняла из этого загадочного параграфа, но ей это было и не нужно: тему магнитной индукции Софи будет проходить только в следующем году.

Юноша на долю секунды потерял самоконтроль и не глядя швырнул учебник куда-то назад, через голову.

– Тео! – Воскликнула Софи.

Он обернулся и увидел, что книга символично врезалась в дверь кабинета по физике. Она толкнула створку и упала на пол, страницами вверх. На белой бумаге обнажилась глава о ядерных реакторах. Дверь скрипнула и приоткрылась на несколько сантиметров.

Тео поспешно вернулся за книгой и убрал ее в рюкзак.

– Смотри, – сказала подруга, – здесь открыто.

Она отворила дверь и заглянула внутрь. В помещении никого не было.

– Я кое-что придумала. – Девочка поиграла бровями.

– Софи?

– Давай пошалим! – Предложила она.

– Как?

– Мы переставим тебе оценку!

– Ты сошла с ума?

– Да ладно тебе, Тео. – Она потянула юношу за руку. – Он может даже и не заметит ошибку. А у тебя повысится средний бал.

– Глупости, – отдернул руку товарищ – он тут же поймет, что это моих рук дело. Тогда у меня будет еще больше проблем с физикой.

Но Софи его не слушала. Она со смехом посеменила в сторону учительского стола. Тео шел за ней, бесконечно окликая подругу. Девочка артистично подкралась к компьютеру и нажала кнопку включения:

– Пароля нет, ты представляешь!

– Софи, это уже не смешно. Пойдем отсюда.

Но девочка продолжала загадочно улыбаться и что-то нажимать. Конечно, она не собиралась всерьез менять оценки старшеклассника: это могло бы действительно оказать на его

успеваемость негативное влияние. Но ей хотелось отвлечь и развеселить юношу. Способ Софи выбрала самый неудачный.

Теодор подошел совсем близко и схватил ее за руку:

– Софи, мне не нравится то, что ты делаешь.

– Ты злишься на меня?

– Пока еще нет, но если ты не перестанешь...

– Ладно-ладно, зануда. – Раздосадовано ответила подруга.

Она нажала кнопку выключения.

На учительском столе помимо компьютера было еще несколько любопытных ее глазу предметов: фирменная ручка с гравировкой – подарок от жены, стопка непроверенный тетрадей и черная замшевая шляпа.

– Ого! – Вскрикнула Софи и натянула шляпу на голову. – Та оказалась ей слишком велика и постоянно спадала на глаза.

Девочка вышла в центр класса и низким басом процедила:

– Мистер Остерман, расскажите-ка нам про скалярную величину, помноженную на магнитную индукцию...

Теодор рассмеялся:

– Почти, очень похоже получилось.

– Милый юноша, вы обязаны подобающе отвечать своему учителю! – грозно проговорила подруга.

Тео попытался отобрать шляпу у Софи. Девочка увернулась.

Неожиданно для хулиганов дверь в кабинет резко отворилась. Ученики, застигнутые врасплох, мгновенно пролезли под учительский стол, затаившись в неестественных скрюченных позах. Софи наступила на ногу другу. Тео хотел возмутиться, но хулиганка ладонью прикрила его рот.

В кабинете слышались шаги. Профессор Мейер закрыл створчатое окно и уже направился к учительскому столу. На счастье Тео и Софи, его окликнули:

– Генри. – Послышался женский голос у двери.

– О, ты уже пришла. – Оживленно произнес профессор. – Подожди меня минуту, миссис Мейер.

– Поспеши, мы должны сегодня приготовить индейку.

У спутницы профессора был приятный мягкий голос. Юноша сожалел, что не может вылезти из-под стола и взглянуть в ее лицо.

– Лия! – Возмутился профессор. – Опять ты за свое. Прошло уже столько лет, я не хочу отмечать этот день.

– Но ты будешь. – Утверждала женщина. – Тебе придется с этим смириться.

Профессор Мейер подошел к столу совсем близко, так, что Софи и Тео смогли без труда разглядеть его черный брючный костюм.

– Смириться, говоришь? – Игриво отвечал учитель. – Я лучше подожду, когда Марк Беркьерс завершит свое изобретение и отправлю тебя обратно!

– Да как ты смеешь?! – С возмущением, но в тот же время, не скрывая улыбки, отвечала женщина. – Да я сама с нетерпением жду возможности сбежать от тебя куда подальше.

– Бесплезно. – Усмехнулся мужчина. – Я достану тебя даже в восемьдесят девятом году.

На вид серьезный и харизматичный профессор оставаясь наедине со своей женой, превращался все в того же шутливого мальчишку, которым был два десятка лет назад, в первые дни и месяцы их знакомства. Тео никак не мог ассоциировать этот мягкий заигрывающий голос с образом строгого профессора, коим он знал своего учителя. Но сейчас мужчина был уверен, что в помещении больше никого нет, а потому позволял себе наигранную вальяжность и немного фамильярное поведение.

Дверь захлопнулась. Софи и Тео покинули свое убежище и тут же поспешили к выходу. В висках все еще бил волнительный пульс: они почти попались. Еще пару сантиметров в сторону учительского стола, и Тео бы уже не смог избавиться от неприятностей, которые сулила ему эта неожиданная встреча.

Невольно подслушанный разговор был коротким. Для Софи он не имел никакого значения. Но с юношей все было иначе. Ведь он знал о машине Марка Беркьерса, об истории создания великого изобретения, которая еще не произошла. Он знал также, что мистер и миссис Мейер, по логике всех вещей на планете, не могли обладать такой информацией. Однако они шутили что-то про пока еще безызвестного Марка Беркьерса и 2089-ый год.

«Как это возможно – думал он, – я не ослышался? Они ведь так и сказали?». По дороге домой он кивал болтушке Софи, делая вид, что внимательно слушает ее рассказ о сегодняшних приключениях в школе. Но сам не мог избавиться от навязчивых мыслей. Чем больше Тео пытался вспомнить точные слова, услышанные из-под учительской столешницы, тем сильнее путался в своих мыслях.

Из раздумий его выдернуло осознание того, что спутница до сих пор была в шляпе профессора Мейера:

– Софи! – Испуганно произнес юноша. – Шляпа!

Девочка схватилась за голову:

– Ой... – Растерялась подруга. – Я, кажется, забыла ее снять.

Тео взял головной убор в руки и рассмотрел со всех сторон:

– Нужно будет вернуть ее профессору. – Решил он. – Подложу в следующий вторник также незаметно, как и взяли. А пока, пускай она будет здесь.

Теперь шляпа висела на настенном крючке, рядом с кроватью именинника. И каждый раз, обращая на нее свой взор, Тео невольно вспоминал загадочные слова профессора об изобретении Марка Беркьерса.

По случаю праздника, миссис Лукас позволила своим подопечным посмотреть за полночь несколько фильмов, поэтому сегодня «нелегальное» совещание проходило абсолютно законно. Кинофестиваль устроили в комнате мальчиков. Теодор предусмотрительно расположился на своей кровати в ожидании, когда его заберет сон, плавно и каждый раз незаметно отправляя в далекий 2106-ой год.

Художественный фильм оказался скучным на сюжет: кино выбирала Софи, поэтому всем приходилось смотреть затянутую любовную историю.

– Давай останемся здесь. – Прошептала главная героиня фильма. – Навсегда.

– Ох, Амалия... – Вторил ей мужчина. – Ты же знаешь, что я никогда тебя не оставлю.

И они слились в глубоком поцелуе под грустную музыку и крупные капли дождя.

Тео на секунду представил на месте героев себя и Софи, но тут же одумался: «Какая нелепость. Я, наверное, никогда не смогу полюбить даже одного человека. Не то, чтобы жениться и заводить семьи в обоих мирах».

Глава 3

2106

Тео открыл глаза и понял, что Одо сегодня его не разбудил. Смартхенд показывал почти полдень. «Неужели я забыл настроить будильник?» – подумал юноша, но тут же вспомнил, что остался ночевать в доме матери. Теодор поднялся с кровати и осмотрелся: опять все кажется совершенно реальным. Снова стойкое ощущение того, что детский дом, Софи и мыльный фильм об «Адалии» юноше просто приснились. Профессор Мейер и его публичные наставления теперь стали совершенно неважными. Замшевая шляпа канула в небытие.

Хельга вошла в спальню:

– О, наконец-то. – Произнесла она. – Я уже подумала, что ты будешь спать вечно.

– Почему ты меня не разбудила? – Тео поднялся с кровати. – Я ведь опоздал в консерваторию.

– Ничего страшного. Твоя консерватория никуда не убежит.

– Но я только что сдал экзамен и теперь должен готовиться к следующему...

Тео перебил квадратный андроид, протягивающий поднос с чашкой кофе:

– С добрым утром, господин Остерман!

– Привет, железяка. – Он отхлебнул немного и поморщился. – Одо делает лучше.

Юноша отправился на кухню и сел за стол: перед ним возникло виртуальное меню на экране дополненной реальности. Студент выбрал омлет и капустный салат. Тео всегда ел на завтрак одно и то же. По крайней мере, во временной линии, пересекающей двадцать второй век.

Дом Хельги был немногим больше съемной квартиры Тео: после смерти дедушки она продала жилплощадь и обосновалась в небольшом помещении, оставив скопившиеся сбережения на счету. Хельга планировала передать их сыну в день совершеннолетия. Но в последнее время она стала задумываться о том, чтобы сделать это раньше. Тео официально оставался ребенком, но он жил один и, судя по всему, не собирался возвращаться на постоянное проживание в дом матери.

У Хельги был всего один андроид, да и тот занимался только половиной домашних обязанностей: воспитанная своей семьей, Хельга отдавала предпочтение классическому образу жизни, не прибегая к излишней эксплуатации бытовых технологий.

– Ты вчера очень быстро уснул. – Хельга немного замялась. – Мы даже не успели договорить.

– Я помню. – Откликнулся юноша и тут же почувствовал, как волнение разливается по телу. – Я должен тебе сказать, мама. Мне не важно, что там произошло. Ты все равно для меня всегда будешь матерью.

– Рада это слышать, сынок. – Женщина ощутила, как ее глаза становятся мокрыми, но усилием воли сдержала слезы.

Тео посмотрел на женщину и произнес:

– Но я бы хотел узнать правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.